

3 ЗАМЕТКИ С 32-го МЕЖДУНАРОДНОГО ВИТГЕНШТЕЙНОВСКОГО СИМПОЗИУМА (9–15 АВГУСТА 2009 г., КИРХБЕРГ-АМ-ВЕКСЕЛЬ, АВСТРИЯ)

И. Т. КАСАВИН, ФОЛЬКЕР МУНЦ (АВСТРИЯ)

Витгенштейновские симпозиумы уже давно стали неотъемлемой частью научной жизни на Западе, но относительно мало популярны среди российских философов. Во многом это определяется давней традицией, когда «выездными» были преимущественно бюрократы от науки. Однако и сегодня ученому не так легко изыскать средства для такого рода поездки, а требуемый высокий уровень квалификации ставит дополнительные барьеры для любителей попусту прокатиться за границу. После безвременной кончины А.Ф. Грязнова (1948–2001), одного из немногих настоящих специалистов по Витгенштейну в России, присутствие россиян на витгенштейновских симпозиумах стало по большей части случайным.

Поэтому едва ли будет излишне напомнить, что Австрийское общество Людвиг Витгенштейна (ALWS) было основано в 1974 г. со штаб-квартирой в Кирхбер-

ге-ам-Вексель (Нижняя Австрия). Выбор места был обусловлен тем, что в этих местах в 1920-е гг. Витгенштейн работал в качестве преподавателя начальной школы. Спустя два года после открытия Общества в Кирхберге-ам-Вексель по случаю 20-летия кончины Витгенштейна состоялась небольшая конференция «Дни Витгенштейна». В дальнейшем она получила название «1-го Международного витгенштейновского симпозиума». Вскоре после этого был создан комитет, ответственный за организацию более масштабного 2-го Международного витгенштейновского симпозиума и всех последующих. Эти симпозиумы и прочие виды деятельности ALWS в основном финансируются правительством Нижней Австрии и Австрийским министерством науки. Для самого Кирхберга-ам-Вексель («Вексель» – название ближайшей горы) – маленького городка с населением 2 тыс. жителей, затерянно-

го в Альпах, в котором нет ни книжного магазина, ни общественной библиотеки, фигура Витгенштейна и научно-культурные мероприятия, с ним связанные, являются источником законной гордости и немалой торговой прибыли. Каждый август городок преобразается: его наполняют сотни людей с интеллигентными лицами, однотипными портфельчиками, они оккупируют все гостиницы, рестораны и кафе, опустошают магазины и говорят на разных языках о науке и философии.

В 2009 г. 32-му Международному витгенштейновскому симпозиуму предшествовала 1-я Международная летняя школа – мероприятие для студентов и молодых ученых. Ею руководили известный исследователь философии Витгенштейна Питер Хакер (Оксфорд) и Йохим Шульте (Цюрих), а организована она была Фолькером Мунцем (Грац), генеральным секретарем ALWS. Три дня 50 студентов из 15 стран изучали и обсуждали основные аспекты знаменитой проблемы Витгенштейна касательно «приватного языка».

Последовавший за этим симпозиум под названием «Язык и мир» был посвящен едва ли не самой существенной проблеме философии Витгенштейна, а именно, отношению между языком и реальностью. Помимо обстоятельного разбора идей Витгенштейна во многих докладах обсуждались и смежные проблемы, актуализирующиеся в современной аналитической философии. Этому соответствовал список основных секций, в котором главная секция «Витгенштейн» соседствовала с секциями «Теории знака», «Язык и деятельность», «Язык и сознание», «Язык

и метафизика», «Реальность и конструкция», а также двумя семинарами (workshops) – «Витгенштейн и литература» и «Наследие Витгенштейна». Каждый рабочий день начинался пленарными заседаниями, на которых заслушивались два полуторачасовых доклада, а после ланча работа продолжалась в секциях, где на доклад и обсуждение отводилось 40 мин. Большинство пленарных докладов было посвящено анализу тех или иных аспектов философии Витгенштейна, а также ее влиянию на иные области – художественную литературу, общественные науки и математику. Наконец, на заключительном «круглом столе», за которым собрались пять главных пленарных докладчиков – Джеймс Конант (James Conant), Мэри МакГинн (Marie McGinn), Ян Хакинг (Ian Hacking), Йохим Шульте (Joachim Schulte) и Ханс Слуга (Hans Sluga), – предметом рассмотрения стало отношение между философией раннего и позднего Витгенштейна.

Научная программа сопровождалась рядом культурных мероприятий, например посещением музея Витгенштейна в Траттенбахе, где он работал в школе, спектаклем «Смерть Витгенштейна», дегустацией сидра и прочими банкетам и фуршетам. То обстоятельство, что в симпозиуме приняло участие свыше 350 ученых из 49 стран, сделало его событием поистине уникальным.

Такова объективная канва симпозиума, по отношению к которой никаких разногласий быть не

может. Вероятно, будет нелишне дополнить ее некоторыми субъективными впечатлениями; однако за них несет ответственность только российский соавтор данного материала, продолжающий этот текст уже от первого лица.

Следует начать с того, что я отправлялся в Кирхберг, не будучи лишен известных предубеждений. Ведь последние 10 лет я ежегодно получал приглашения на этот симпозиум, но в силу тех или иных причин не принимал их во внимание. В 2009 г. обстоятельства сложились в пользу Австрии, но это никак не противоречило убеждению о том, что там я встречу нечто, напоминающее фан-клуб знаменитого философа. Во мне еще жило воспоминание от месячной стажировки в Оксфордском университете в 1993 г., где для подавляющего большинства «донов» вся философия исчерпывалась Витгенштейном и последующей разработкой его идей. Все же я решил принять правила игры и подготовил доклад на вполне классическую тему «Чем восполнить теорию значения Витгенштейна?» (How to make Wittgenstein's theory of meaning complete?).

Через полгода после этого 7 августа 2009 г. я прибыл в маленькую гостиницу «Kaiser Krone» на главной улице Кирхберга, и первое, в чем сразу убедился, — это отличная организация всего того, что

относится к встрече, размещению и информированию участников, а также к компетентности исполнителей и даже к финансированию данного мероприятия. Впрочем, в этом данный симпозиум мало отличался от аналогичных немецких, шведских, английских или французских, в которых мне приходилось участвовать. Существенным отличием было лишь обилие известных имен (хотя, быть может, оно нарастает просто по мере того, как человек знакомится с современной философией?).

Открывал симпозиум пленарный доклад Джеймса Конанта¹ (Чикаго), собравший полный зал еще не успевших устать слушателей. Докладчик — высокий, полный, длинноволосый человек лет пятидесяти — был одет в свободно-небрежном стиле, характерном для американцев и пригодном для прогулок в окружающих горах. Как и подобает первому пленарному докладчику, он держался с видом человека, который отвечает за главное событие всего симпозиума², а слушатели подыгрывали ему. Тема звучала так: «От метода к методам». Мне сразу пришел на ум еще один американец — Пол Фейерабенд с его лозунгом «Against Method», философия которого была предметом моей кандидатской диссертации. Опубли-

¹ Увидев его фамилию в программе, я было с удивлением решил, что это Дж. Б. Конант — известный организатор и историк науки, покровитель Т. Куна, спустя 20 лет после своей кончины решил посетить Кирхберг. Потом я узнал, что докладчик — весьма известный философ, сопредседатель Международного общества Витгенштейна, и слегка устыдился (<http://philosophy.uchicago.edu/faculty/conant.html>).

² Первый пленарный доклад нередко является объектом дискуссий и конфликтов для организаторов мероприятия. Так, на Всемирном философском конгрессе в Брайтоне (1988) первыми докладчиками по программе являлись К. Поппер и Ю. Хабермас. Однако в последний момент получилось так, что вперед них вырвалась Э. Энском — исключительно по произволу англичан и без согласования с Программным комитетом — не иначе, как наиболее адекватный выразитель интересов аналитической философии, противопоставленной континентальной традиции.

кованные abstracts Конанта были исключительно краткими. Вот они: «Я прослеживаю развитие идей Витгенштейна от его ранней концепции философского метода до его позднего представления о многообразии методов и показываю, что этот переход происходил постепенно вплоть до решающего поворота в 1937 году»³. Чтобы было легче видеть, как он это прослеживает, по рядам распространили две страницы с развернутыми тезисами его доклада: они содержали всего лишь ряд цитат из Витгенштейна и его комментаторов. Конант тоже избрал форму комментария к данным цитатам, строя свое изложение как рассмотрение последовательности примеров, своего рода case study на тему Витгенштейна по образу и подобию «Философских исследований». Из доклада следовало, что не логика правит развитием мысли, а человек как совокупность конфликтующих ролей и стремлений проживает свою полифоническую биографию, эпифеноменом которой оказываются его труды, содержащие явный и скрытый диалог с другими мыслителями и самим собой, и в них трудно отыскать единство. Витгенштейн просто отразил магистральную линию мысли, приведшую к пониманию плюралистической природы философии и интеллектуальной культуры вообще. Вникая в суть этого доклада, я, кажется, понял – и в самом деле, ошибиться было трудно – и тематически, и стилистически перед нами был... постмодернизм в типично аналитическом исполнении. Зал рукоплескал докладчику стоя.

В тот же вечер на лестнице гостиницы я столкнулся с Яакко Хинтиккой, который не нуждается в представлении, и автоматически поздоровался, не будучи знакомым с ним лично, услышав в ответ: «Мы где-то встречались?» Так и познакомились, в результате чего семь дней я слушал в его исполнении разные смешные истории и критические суждения, сожалея о том, что под рукой нет диктофона. Конечно, среди участников симпозиума его знал и хотел поговорить с ним чуть ли не каждый, он был настоящей особо важной персоной, но, живя в одном с ним отеле, я пользовался привилегией сопровождать его на заседания и по пути общаться или, точнее, слушать. Среди его историй мне запомнился такой случай, фактическую сторону которого я передаю лишь приблизительно, будучи еще менее способен воспроизвести юмор, которым сопровождался рассказ. Так, Хинтикка, еще молодым человеком, опубликовал статью о переводе фрагмента из Витгенштейна с немецкого на английский и при этом разошелся во мнении с самой Элизабет Энском, немедленно подвергшей его критике. Однако вскоре Хинтикке посчастливилось натолкнуться на одно пояснение Витгенштейна, которое однозначно подтверждало его точку зрения. Она получила выражение в новой статье, на которую Энском не ответила, но молча согласилась, внося соответствующее исправление в очередное издание перевода, – так торжествовал свою победу рассказчик.

³ Connant J. From the Method to methods // 32 International Wittgenstein's Symposium / Papers. Kirchberg am Wechsel, 2009. P. 7.

Спросив Хинтикку, понравился ли ему первый пленарный доклад, я услышал развернутую критику Конанта с позиции предшествующего поколения аналитических философов. Докладчик не знает логики и математики, не знает и не пытается разобраться в том, что составляет сущность концепции Витгенштейна, а всего лишь излагает свои мысли по этому поводу, резюмировал финский логик. Да, ни логики, ни фактов, одна философия – ну куда же это годится?

После этого я даже не пытался получить заключение Хинтикки на собственный доклад. Здесь я обосновывал мысль, что связывание значения ни с ментальным содержанием, ни с деятельностью, ни с коммуникацией не делает концепцию значения завершенной. Необходимость учета фактора креативности, создания всякий раз значения (его нюансов в форме метафор, аналогий, коннотаций) заново и есть то обстоятельство, на которое намекал, но которому не придавал должного значения Витгенштейн. Отсюда и сделать витгенштейновскую теорию значения полной можно, только выйдя за ее пределы. Тем самым доклад оказался настолько в русле идей Конанта, что мне даже захотелось познакомиться с ним лично, но я сдержался – он был слишком плотно окружен своими почитателями. Конечно, мне внимало несопоставимо меньше слушателей, чем Конанту, и вопросов также было значительно меньше. Один из них – по поводу того, каков теоретический статус концепции значения Витгенштейна, задал Джон Блэкмор, как выяснилось позднее – крупнейший специалист по философии Э. Маха. В последующем он прислал мне из

США две интереснейшие книги, и обзор одной из них уже дается на страницах этого номера журнала «Эпистемология и философия науки».

Председательствовал на секции американец Джеймс Клагге, позднее увлекательно выступавший на тему «Достоевский и Витгенштейн» и приславший по моему предложению статью в наш журнал с критикой элиминативизма.

Секция, которую мне пришлось вести самому, в основном была посвящена философии логики и математики в довольно узком их понимании; хотя выступали на секции молодые философы из Чехии и Бразилии, их идеи находились в русле весьма ортодоксальной аналитической традиции.

Заключительный «круглый стол» главных докладчиков симпозиума, о котором уже упоминалось, особо интересен одной деталью. Участники задались принципиальным вопросом: как сформулировать основные результаты, к которым пришел Витгенштейн? После обстоятельного обсуждения они пришли к выводу: такого рода результаты сформулировать нельзя, но можно сказать, что Витгенштейн создал *очень значимое поле дискурса*, определившее направление развития философии. В этом выводе вновь проглядывает новое, неэпистемистское понимание природы философского мышления.

За неделю участия в симпозиуме мне удалось познакомиться и с многими другими философами, что, хотелось бы верить, тоже даст свои плоды. С Артуром Гибсоном – специалистом по философии математики из Кембриджа (Великобритания) – мы провели захватывающие два часа в аэропорту,

обмениваясь мнениями о состоянии мировой философии.

В заключение – несколько слов о тенденциях этой самой мировой философии, которые инспирированы витгенштейновским симпозиумом. Вне всякого сомнения, это репрезентативное мероприятие⁴ представляет собой один из главных конгрессов современной аналитической философии. При этом бросается в глаза противостояние старого и нового поколений аналитиков. Первые отстаивают приоритет логического анализа и технических, строгих методов в философии вообще; защищают идею объективности и фактичности философской интерпретации текста, последовательность и обоснованность философского дискурса, в качестве идеала которого выступает «hard science». Вторые отказываются от формальной логики как метода анализа; практикуют в качестве стиля причудливую вязь комментария к комментарию; видят цель интерпретации текста не столько в выявлении его объективного содержания, сколько в создании, приписывании

ему смысла; предпочитая эссеистский стиль, ориентируются не на науку, а на литературу в качестве образца дискурса. Конечно, не только биологическим возрастом определяется приверженность той или иной тенденции: среди молодых встречались еще те консерваторы, а известные авторитеты иной раз блистали новыми идеями и свободой от стереотипов. Тем не менее характерно, что именно яркий представитель более молодого поколения, а не такой авторитет, как Хинтиikka, получил право на первый пленарный доклад.

Качество организации и масштаб представительности 32-го Международного витгенштейновского симпозиума вызывают чувство белой зависти и в очередной раз напоминают российским философам о необходимости «учиться, учиться и учиться», т.е. ориентироваться на мировой уровень философского исследования и коммуникации, публиковаться на иностранных языках и завязывать международные связи.

⁴ Вот имена лишь нескольких докладчиков (помимо уже упомянутых), известность которых несомненна, поскольку за каждым из них стоит целая школа: Питер Яних (Марбург), Пирмин Штекелер-Вайтхофер (Лейпциг), Питер Хакер (Оксфорд), Пауль Вайнгартнер (Зальцбург), Айке фон Савиньи (Билефельд). Из обнаруженных мной живую (а не только приславших тезисы) российских участников могу назвать Е. Драгалину, В. Лобовикова и А. Павленко.